

— кому-бы не хотѣлось всѣхъ любить, это и былъ-бы рай, если-бы мы всѣ были милы другъ-другу; но скажите-же, что надо сдѣлать съ собою для того, чтобы любить другого, любить того, къ кому я любви въ себѣ не нахожу; что нужно съ собою сдѣлать для того, чтобы я дѣлалъ то доброе, которое хочу, и не дѣлалъ того злого, котораго не хочу?... И какъ это, утверждая, что жизнь одна во всемъ, а въ каждой личности, или индивидуумѣ только частичка этой единой жизни, какъ возможно говорить затѣмъ объ уничтоженіи предѣловъ своей жизни, отдѣляющихъ ее не отъ единой жизни, а отъ другихъ существъ; вѣдь и другіе, каждый другой заключаетъ въ себѣ тоже частичку жизни и предѣлами своей личности отдѣляетъ ее отъ единой жизни. А потому, чтобы свою частичку жизни соединить съ частичкою жизни другого, нужно не только улучшить частичку своей жизни, т. е. разрушить предѣлы своей жизни, но нужно также улучшить частичку жизни, т. е. разрушить предѣлы жизни, и того, съ кѣмъ хочешь соединиться; иначе, уничтоживъ предѣлы своей жизни и слившись съ единою жизнью, мы все-таки будемъ отдѣлены отъ той частички жизни, которая заключена въ другомъ, будемъ отдѣлены до тѣхъ поръ, пока предѣлы жизни и этого другого не будутъ уничтожены. Такимъ образомъ любовь къ другому существу можетъ выразиться, по Толстому, только въ убійствѣ этого существа. Но если, несмотря ни на что, мы все-таки одно, Ассархадонъ одно съ Лаипіэ, Николай одно съ Иваномъ, и наоборотъ, то къ уничтоженію какихъ-же предѣловъ, улучшающему нашу жизнь, приглашаетъ Толстой? Если же есть предѣлы, которые нужно уничтожить, то, слѣдовательно, мы не одно. Во всякомъ случаѣ, чтобы перейти отъ иллюзій, къ которымъ приводятъ насъ всѣ наши чувства, вся наша организація, къ иллюзіи, которую внушаетъ намъ Толстой, онъ долженъ совершить надъ нами чудо, подобное тому, которое старецъ съ длинной сѣдой бородой и кроткими глазами предѣлалъ надъ царемъ Ассархадономъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что единство каждаго со всѣми другими, не только съ людьми, но и съ звѣрями, если идти дальше, то и съ растеніями и даже со всѣми неодушевленными предметами, это единство, въ которомъ Толстой хочетъ убѣдить всѣхъ, совсѣмъ не то единство, о которомъ молился Христосъ въ извѣстной молитвѣ своей— *„да будутъ все едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я во Тебѣ, такъ и они да будутъ во Насъ едино.“* Для единства, къ которому призываетъ Толстой, убѣждая, что оно уже есть, нужно разрушить предѣлы своей жизни, требуется сліяніе, или смерть, личностей, нужна новая заповѣдь, повелѣвающая убивать другъ друга и самихъ себя. Для единства-же, о которомъ молился Христосъ, Спаситель отъ смерти, не нужно уничтоженія, т. е. сліянія, или смерти, личностей; Христосъ приходилъ воскресить умершихъ, т. е. вернуть ихъ къ самостоятельной жизни, а вмѣстѣ и объединить ихъ, т. е. дать всѣмъ жизнь и привести всѣхъ въ такое единство, при которомъ самостоятельность личностей не вела бы къ ихъ розни, а единство не вело-бы къ ихъ сліянію, къ ихъ уничтоженію, къ смерти личностей. И для осуществленія этого Христосъ, давъ новую заповѣдь,— *„да любите другъ друга“*,— указалъ и дѣло въ словахъ— *„ищите научите вся языки, крестяще ихъ во имя*